

Русская философия войны Серебряного века: основные особенности*

А.А. Скворцов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена определению основных особенностей русской философии войны, сложившейся в первой трети XX века. Автор показывает, что в России философия войны не сложилась как отдельное широкое направление исследований, а ограничилась лишь несколькими содержательными, но достаточно краткими опытами. Тем не менее многие русские философы (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин и др.) оставили глубокие, обоснованные рассуждения о войне, которые возможно реконструировать как последовательную систему взглядов. Одна из ее особенностей – смещение фокуса рассмотрения вооруженного насилия с социологического и политического к антропологическому и этическому; в центре рассмотрения находится не война как социальное явление, а положение человека на войне. В этом плане отношение к войне в русской философии парадоксально. С одной стороны, она несет с собой много зла – гибель множества людей и разрушений, – но вместе с тем способствует проявлению в людях лучших нравственных качеств, вплоть до самоотверженности и героизма. Вооруженное насилие представляется трагедией христианской совести, и обоснование для участия в войне должен самостоятельно найти каждый ее участник. Исходя из условий сложного морального выбора, личное, экзистенциальное обоснование может исходить из представлений о том, что люди не могут творить насилие с чистой совестью. В таком случае человек, выбирающий участие в войне, воспринимает сражение как собственную вину, которая требует искупления.

Ключевые слова: философия войны, теория справедливой войны, русская философия, насилие, этика, моральный выбор, добро и зло.

Алексей Алексеевич Скворцов – кандидат философских наук, доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
lambis@mail.ru

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно исторического наследия».

Для цитирования: Скворцов А.А. Русская философия войны Серебряного века: основные особенности // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 91–103. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-91-103

Russian Silver Age Philosophy of War: Main Features*

A.A. Skvortsov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the main features of the Russian philosophy of war that developed in the first third of the 20th century. The author shows that in Russia, the philosophy of war did not develop as a separate broad line of research but limited itself to only a few meaningful, but rather brief, experiments. Nevertheless, many Russian philosophers (Fyodor Dostoevsky, Vladimir Soloviev, Evgenii Troubetzkoy, Ivan Ilyin, Nikolai Berdyaev, Lev Karsavin and others) left deep, well-founded reasoning about war, which can be reconstructed as a consistent system of views. One of its features is the shift in the focus of considering armed violence from the sociological and political to the anthropological and ethical; the focus is not on war as a social phenomenon, but on the human's position in war. In this regard, the attitude to war in Russian philosophy is paradoxical. On the one hand, war brings a lot of evil in the form of death of many people and destruction, but, on the other hand, it promotes to the manifestation of the best moral qualities in people, up to selflessness and heroism. Armed violence seems to be a tragedy of the Christian conscience, and each participant must independently find a justification for his participation in the war. Based on the conditions of a difficult moral choice, personal, existential justification may come from the idea that people cannot commit violence with a clear conscience. In this case, the person choosing to participate in a war perceives the battle as his own guilt that should be expiated.

Keywords: philosophy of war, just war theory, Russian philosophy, violence, ethics, moral choice, good and evil.

Alexei A. Skvortsov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. lambis@mail.ru

For citation: Skvortsov A.A. (2020) Russian Silver Age Philosophy of War: Main Features. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 91–103.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-91-103

* This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage.”

Введение

С начала XIX века словосочетание «философия войны» начинает завоевывать себе место в системе философских исследований. К концу XX века эта область сама становится разветвленным междисциплинарным направлением, включающим в себя большое количество сложных тем, начиная от поиска причин войн и их связи с природой человека, заканчивая изменением характера современных вооруженных противостояний и их отражением в современных СМИ. Несмотря на достаточно конкретный предмет исследования, ни один из авторов, работавший в этой области, не дал его удовлетворительного определения. Например, мнения Р. Штейнметца о поиске «существенной и вечной функции войны» [Штейнметц 1915, 18–20], или А.Е. Снесарева – «Философия войны есть научно переработанное (или проще обнаученное) военное миросозерцание» [Снесарев 2013, 109–110] – являются просто указанием, что философия войны претендует на самое глубокое и всестороннее постижение всех форм вооруженного насилия, не соглашаясь с притязаниями частных наук, изучающих войну.

Тем не менее сам термин «философия войны» остается полемичным, а отношения философии и войны были непростыми. С одной стороны, со времен Гераклита не было ни одного крупного философа, не высказывавшего значимых мыслей о войне, с другой – у войны всегда была своя наука, достаточно далекая от философских принципов. Главное отличие военных стратегий от философского осмысления войны заключалось в том, что первые рассматривали войну изнутри и понимали ее как достаточно абстрактную реальность, существующую для приложения профессионального взгляда и навыков, а философия войны смотрела на свой предмет извне и считала ее частью общественной жизни, неразрывно связанной с другими культурными явлениями. Отсюда философия войны, даже защищавшая милитаристские идеи, относилась к вооруженному насилию критично; для нее война не есть феномен, сродни явлению природы, а есть драматическое столкновение различных интересов, оказывающее огромное влияние на все стороны жизни общества. Без гуманистической линии, напоминающей, что войну ведут все-таки люди, а не безличные агенты-солдаты, философия войны не состоялась бы как оригинальное направление мысли. Справедливо будет утверждать, что европейская философия войны как отдельное направление формируется в начале XIX века в рамках германской

военной стратегии (Д. фон Бюлов, Г. Шарнхорст, К. Клаузевиц), но на нее оказали значительное влияние философско-правовая мысль Нового времени, начиная с Г. Гроция и С. Пуфендорфа, и гуманистическая линия, выразившаяся в рассуждениях о вечном мире (Ж.-Ж. Руссо, И. Гердер, И. Кант и др.).

Русские философы о войне: основная проблематика

В России, стране, вынужденной почти на протяжении всей своей истории вести войны, была создана своя, достаточно оригинальная философия войны. У нее не сложилось столь богатой традиции политико-правового осмысления войн, как на Западе, а гуманистическая составляющая была в большей степени связана с христианским содержанием культуры. Русская философия не создала масштабных произведений по философии войны, наподобие «О войне» К. Клаузевица, «Философия войны» К. Штейнметца или «Изучение войны» Ф.К. Райта, где вооруженная борьба рассмотрена как необходимая часть культуры – от ее эволюционных истоков и вплоть до выяснения роли в современной политике. В отечественной культуре было два блестящих по замыслу, но не законченных опыта построения философии войны в одноименных произведениях А.А. Керсновского [Керсновский 1995] и А.Е. Снесарева. Первый принадлежал к русской культуре эмигрантского периода, второй – уже к советскому периоду, хотя участвовал в Первой мировой войне как генерал Императорской русской армии.

Также русская философия не оставила систематических рассуждений о традициях и обычаях войны или справедливых и несправедливых войнах, как это представлено в современной англоязычной теории справедливой войны. Русские философы нередко обращались к этой проблематике, но не вели отдельных исследований данной темы. Рассуждения о справедливости и оправданности войн велись ими скорее с эмоционально-нравственной точки зрения, без обращения к нормам международного гуманитарного права. Но все же в русской мысли, как и в западной, не было ни одного крупного философа, не рассуждавшего о войне. Более того, вооруженная борьба, насилие для русской философии первой трети XX века, иногда называемой философией Серебряного века, в силу случившихся потрясений стала одной из центральных тем. Но в рассуждениях отечественных философов того времени просматривается важная отличительная черта: в центре их вни-

мания был именно человек на войне, а не просто война как особое состояние социума. В этом плане отечественная философия войны одновременно и антропологична, и этична. Человек – это и главная жертва, и главный герой войны, это персонаж, из-за воли которого могут разваливаться армии, гибнуть государства и, напротив, одерживаться блестящие победы. Поэтому рассуждать о войне отстраненно, как о движении безличных сил, для русских философов представлялось бесполезным. Война – это глубоко личностная драма, требующая от человека принятия сложных решений, осмысления собственной жизни и напряжения всех внутренних сил.

В «Философии войны» А.Е. Снесарев проводит разделение философской мысли с точки зрения отношения философов к войне на тех, кто в большей степени одобряет войну (милитаристы), тех, кто ее категорически осуждает (пацифисты), и тех, кто относится к ней неоднозначно [Снесарев 2013, 122–123]. Разделение это условно, поскольку некоторые философы могли менять отношение к войне в течение жизни. Но если исходить из него, то в русской философии трудно найти однозначные апологии войны по типу уже упоминавшейся «Философии войны» Р. Штейнметца или книги «Торгаши и герои» В. Зомбарта [Зомбарт 2005]. Пацифистская линия в русской культуре представлена Л.Н. Толстым, для которого любые войны представляются злом, а участие в войне – преступлением; со взглядами Толстого в той или иной степени полемизировали все философы Серебряного века. В основном, наиболее известные русские философы этого периода принадлежали к третьей группе, т.е. считали войну злом, но злом относительным, иногда оправданным, а в некоторых случаях и необходимым. Конечно, уровень поддержки вооруженной борьбы возрос к началу Первой мировой войны, но даже в тех условиях русские философы отказывались считать ее однозначным благом. При этом вопрос об оправдании войны опять же решался ими не с точки зрения социально-политических приоритетов, а в первую очередь, как личный нравственный выбор человека, осознающего ценностные основания жизни.

Война с внешней, политической точки зрения, может признаваться народом справедливой, но каждый прежде, чем вступить в нее, должен найти себе индивидуальное оправдание. И оно касается не формального вопроса о справедливости, а представления о правильном пути жизни: «...Совершенство и справедливость не

совпадают, – говорит И.А. Ильин, – справедливость может быть нравственно несовершенной, а нравственное совершенство может творить несправедливость» [Ильин 1996, 191]. Оправдание войны с точки зрения индивидуальной нравственной позиции – задача крайне сложная, ибо естественное моральное сознание не может согласиться с массовым нанесением вреда другим людям. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, которую И.А. Ильин назвал «основным нравственным противоречием войны» и сформулировал его так: «Может ли человек разрешить себе по совести убийство другого человека?» [Ильин 1996, 9]. Война – это реальность, которой нельзя не возмутиться с точки зрения естественной человечности, но при этом нельзя остаться от нее в стороне, поскольку речь идет о защите всего, что так дорого, что составляет ценностный горизонт жизни: «Участие в войне, – продолжает мысль И.А. Ильин, – заставляет душу принять и пережить высшую нравственную трагедию: осуществить свой, может быть, единственный и лучший, духовный взлет в форме участия в организованном убийстве людей» [Ильин 1996, 29].

Война как парадокс

Последнее соображение выводит нас на, возможно, главную отличительную особенность русской философии войны – понимание войны как глубокого парадокса, решить который возможно только личностным волевым усилием, но не обращением к абстрактным принципам. «Парадоксалист» – так назвал рассуждение о войне Ф.М. Достоевский, которое можно признать одним из самых глубоких в отечественной традиции. Рассуждение из «Дневника писателя» построено в форме воображаемого диалога между автором и «мечтателем», где обе стороны представляют взаимоисключающие точки зрения. Автор защищает позиции военного реализма, т.е. оценивает войну лишь с ее внешней стороны в виде страданий и разрушений, а «мечтатель» высказывает взгляды, прославляющие войну, и для него источник зла – не война, а долгий мир. Сама же война не просто полезна для развития общества, но даже возвышена: «Ложь, что люди идут убивать друг друга... напротив, идут жертвовать собственной жизнью – вот что должно стоять на первом плане. Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество...» [Достоевский 1981, 123]. Также неправда, что люди не любят войну. Она дает духовный подъем, «праздник в

душе», а когда гроза пройдет, то ничто не вспоминают так часто, как боевую славу минувших лет. Нет сомнения, что Ф.М. Достоевский отнюдь не защищает войну: два изложенных противоположных взгляда раскрывают диалектическое отношение к ней. «Парадоксалист» показывает, что к такому сложному явлению невозможно относиться однозначно. Последствия войны для общества могут быть непредсказуемыми: от полного крушения до великого подъема.

В идейном плане «Парадоксалист» оказал огромное влияние на последующие рассуждения русских философов о войне. Философы Серебряного века еще больше углубляют парадоксальный, диалектический взгляд на вооруженную борьбу. Исток парадокса лежит в борьбе добрых и злых начал, осуществляемых на войне. С одной стороны, война есть несомненное зло; как отмечает о. Г. Флоровский, «не то страшно, что люди умирают, а то, что они перестают быть людьми» [Флоровский 1998, 56]. С другой, можно сказать, что отказ вступать в вооруженную борьбу может закончиться еще большим злом, чем война; например, развалом государства, хаосом, анархией и т.д. Но если даже не принимать во внимание социально-политическую реальность, а исходить из индивидуально-этической точки зрения, то война – это такое зло, которое позволяет, а часто и требует от человека проявить свои лучшие качества. «Сверхчеловеческая сила ненависти вызывает ответные действия сверхчеловеческой силы любви» [Трубецкой 1994, 388], – замечает Е.Н. Трубецкой, а Л.П. Карсавин утверждает, что «в войне... совершается и такое великое добро, как жертва своей жизнью за других» [Карсавин 1994, 427] и продолжает: «Кто хочет быть совершенным, должен знать, что цена совершенства – жертвенная смерть» [Карсавин 1994, 440]. Случаи исключительного героизма и самоотверженности на войне происходят значительно чаще, чем в мирной жизни.

Диалектический взгляд на войну позволяет выявить амбивалентность ее различных явлений. Она представляется и как массовое убийство, и как «коллективное самопожертвование», и как воплощенная ненависть, и как жертвенная любовь, и как разрушение культурного наследия, и как обновление культуры, создание новой духовной общности, где жизнь каждого человека имеет огромное значение. «Великой проявительницей» назвал войну Н.А. Бердяев, поскольку война лучше всех других социальных явлений высвечивает пороки общества, указывает

на фальшь в отношениях людей. И, напротив, именно во время войны происходит сплочение людей: «В минуты подъема и волнения, – отмечает И.А. Ильин, – теряет даже смысл деление на “знакомых” и “незнакомых”: люди, впервые видевшие друг друга, уже соединены где-то в самом важном» [Ильин 1999, 9].

Война как нравственный выбор

Но особенно остро диалектика войны преломляется в индивидуальной экзистенции. Можно сказать, что чем дальше мы спускаемся с социального уровня на личностный, тем все более парадоксальным становится восприятие войны. Зло войны в виде насилий и убийств совершается именно индивидуально, но вправе ли те, кто не участвует в схватке, называть воинов убийцами? Вопрос вменения вины за совершенное насилие, либо, напротив, освобождения от вины может быть решен только контекстуально; исходя и из общих целей войны, и из поведения на ней человека. «Войну ведут не для того, чтобы убивать, – утверждает А.А. Керсновский, – а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной – мир» [Керсновский 1999, 25]. А Н.А. Бердяев обращается скорее к психологическому, но очень важному восприятию: «Воины – не убийцы. И на лицах воинов не лежит печать убийц. На наших мирных лицах можно чаще увидеть эту печать» [Бердяев 1990б, 220]. Участие в войне не может быть сведено к убийству, на нее идут, чтобы защищать Родину и жертвовать собой. Но все же с абсолютистской, христианской точки зрения, невозможно отрицать, что даже праведные цели войны достигаются несправедливыми, греховными средствами. Отсюда каждый, кто принимает участие в войне, вынужден находить оправдание насилию, которое ему приходится творить. А это значит, что политические, общегосударственные цели должны быть приняты сознательно и добровольно, как личный нравственный выбор. Но это решение – не сродни обыденному, когда избирается стратегия поведения в привычных жизненных ситуациях. Участие в войне – это всегда шокирующий выбор, когда человек из обыденной реальности перемещается в область, где царит смертельная опасность. Совершить такой выбор невозможно без определенного духовного суда над своей жизнью и над ее ценностными основами. Как точно заметил И.А. Ильин, война подходит к нам с вопросом: существует ли в нашей жизни исключительное ценностное основание («Духовный Кремль»), за

сохранение которого мы готовы сражаться до смерти? «Смысл войны, – утверждает И.А. Ильин, – в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил» [Ильин 1999, 14].

Наиболее точный итог парадоксальному, диалектическому восприятию войны подводит Н.А. Бердяев: «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть только антиномическое. Это – изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления... Мы войну и принимаем и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения... Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [Бердяев 1990а, 172]. Согласно такому взгляду, война – это трагедия совести, где добровольное принятие на себя страдания предполагает и необходимое принятие греха. Указанное противоречие для русской философии – это скорее не констатация факта, а нравственное требование. Понимание греховной природы войны – это первый шаг к ее очеловечиванию, к осознанию, что войны ведут все же люди: «Человеческое должно утверждаться даже в страшных условиях войны» [Бердяев 1993, 310]. В русской философии не встречается развернутых рассуждений о справедливости на войне, «праве во время войны» (*jus in bello*), но было последовательное требование не жалеть себя, но по возможности жалеть противника, т.е. «побеждать человеколюбием». Философы отечественной традиции были также убеждены, возможно, слишком категорично, что христолюбивый воин, обладающий развитыми нравственными качествами, может устоять перед соблазном ненависти и жестокости к противникам. В этом плане само оружие или вооруженная сила не может быть определена как добро или зло: «Но такова уж природа меча. – утверждает В.Ф. Эрн. – Свят он в руках святых, мерзок в руках разбойничьих. Своей же собственной, внутренней правды он не имеет» [Эрн 1991, 297].

Однако нравственное противоречие войны должно иметь свое разрешение. Пройдя через сомнения и сложный выбор, противоположности жертвенности и греховности выражаются в волевом начале, без которого невозможны решительные действия человека на войне. Для воина, убежденного в правильности целей войны и праведности решения участвовать в кровавой схватке, убийство все равно считается грехом и требует искупления. Чем, в таком случае,

может быть нравственно оправдан этот грех? Обоснованные политические цели войны, пусть даже избранные сознательно, – это скорее внешнее, коллективное оправдание, но требуется оправдание индивидуальное. Особенно для христианина, для которого насилие – это сложная дилемма. Но с другой стороны, согласно христианскому мировоззрению, война посылается нам в наказание за грехи и дает возможность грехи искупить. Кроме того, зло и грех – не одно и то же. «Становясь лишь на христианской почве злом, – говорит Ф.А. Степун, – война на ней же, и только на ней, становится смыслом, то есть – грехом человечества. На почве атеистической цивилизации она теряет этот свой глубокий религиозный смысл. . . перестает быть человеческой войной и становится нечеловеческой бойней» [Степун 1999, 192–193]. Смысл участия христиан в войне заключается в том, что они не могут это делать с чистой совестью, т.е. они принимают на себя вину за совершенные акты насилия. Но этот грех искупается решимостью пострадать, т.е. необходимость убивать оплачивается готовностью к самопожертвованию. Войной нельзя победить зло, его можно лишь ограничить, но зло можно победить добром служения и самоотречения. Грех не может быть оправдан, но всегда оправдано искупление греха. Посылая нам войну, Бог требует от нас подвига, страдания и жертвы, то есть требует, чтобы мы утверждали добро даже в самых страшных условиях войны.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что войну русские философы считают неизбежным злом, проистекающим из несовершенства природы человека и одновременно из сложных социальных условий, в которых находится большая часть человечества. Автор «Философии войны» А.А. Керсновский настаивает: «Война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло – на эту болезнь – следует лишь в положениях безвыходных – когда “клин клином” остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов» [Керсновский 1995, 19]. Однако это зло нельзя считать абсолютным ни в плане влияния на общество, ни в плане влияния на индивидуальное моральное сознание. Также, согласно замечанию В.С. Соловьева, мир «сам по себе еще не есть подлинное благо... он становится благом только в связи с внутренним перерождением человечества» [Соловьев 1998, 478]. Одновременно с этим, если исходить из персонального восприятия войны, то участие в ней становится полем индивидуального

морального выбора. Это касается и ситуации добровольного участия в войне, когда человек понимает, что не может остаться в стороне, и ситуации принуждения государством, когда полем выбора становятся конкретные ситуации, требующие применения насилия. Этот выбор невозможен без оправдания участия в войне, без поисков конкретных ценностных оснований, за которые допустимо страдать самому и наносить страдания другим. Для русских философов самый глубокий, поистине нравственный смысл войны заключается в превращении вооруженного насилия из стихии кровавого хаоса, рожденного ненавистью, в упорядоченную деятельность разумных людей, стремящихся к ограничению насилия и отказывающихся ненавидеть противника. В сущности, обоснование такого отношения к вооруженному противоборству и обсуждение различных практических возможностей для его воплощения в действительность стало главной целью немногочисленных опытов построения отечественной философии войны.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1990а – *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.

Бердяев 1990б – *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990.

Бердяев 1993 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993.

Достоевский 1981 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель – Л.: Наука, 1981.

Зомбарт 2005 – *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота // *Зомбарт В.* Собр. соч. в 3 т. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 7–102.

Ильин 1996 – *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // *Ильин И.А.* Собр. соч. в 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1999. С. 5–220.

Ильин 1999 – *Ильин И.А.* Духовный смысл войны // *Ильин И.А.* Собр. соч. в 10 т. Т. 9–10. – М.: Русская книга, 1999. С. 5–40.

Карсавин 1994 – *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство // *Карсавин Л.П.* Малые сочинения. – СПб.: Алетейя, 1994. С. 414–446.

Керсновский 1995 – *Керсновский А.А.* Философия войны // Философия войны / под ред. А.Б. Григорьева. – М.: Анкил-воин; Российский военный сборник, 1995. С. 99–99.

Керсновский 1999 – Керсновский А.А. О природе войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции / сост. И.В. Домнин. – М.: Военный университет; Русский путь, 1999. С. 16–29.

Снесарев 2013 – Снесарев А.Е. Философия войны. – М.: Ломоносовъ, 2013.

Соловьев 1998 – Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. I. – М.: Мысль, 1998. С. 47–580.

Степун 1999 – Степун Ф.А. Чаемая Россия. – СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1999.

Трубецкой 1994 – Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика, 1994.

Флоровский 1998 – Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998.

Штейнметц 1915 – Штейнметц Р. Философия войны. – Пг.: Образование, 1915.

Эрн 1991 – Эрн В.Ф. Меч и крест // Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. С. 297–368.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (1990a) *The Destiny of Russia*. Moscow: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Berdyayev N.A. (1990b) *Philosophy of Inequality*. Moscow: IMA-press, 1990 (in Russian).

Berdyayev N.A. (1993) *On the Vocation of Man*. Moscow: Respublika (in Russian).

Dostoevsky F.M. (1981) *Complete Works in 30 Vols. Vol. 22: A Writer's Diary. 1876, January–April*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Ern V.F. (1991) Sword and Cross. In: Ern V.F. *Works* (pp. 297–368). Moscow: Pravda (in Russian).

Florovsky G.V. (1998) *From the Past of Russian Thought*. Moscow: Agraf (in Russian).

Ilyin I.A. (1996) The Basic Ethical Contradiction of War. In: Ilyin I.A. *Collected Works in 10 Vols.* (Vol. 5, pp. 5–220). Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Ilyin I.A. (1999) Spiritual Meaning of War. In: Ilyin I.A. *Collected Works in 10 Vols.* (Vol. 9–10, pp. 5–40). Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Karsavin L.P. (1994) Church, Personality, and State. In: Karsavin L.P. *Short Works* (pp. 414–446). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Kersnovsky A.A. (1995) Philosophy of War. In: Grigoyev A.B. (Ed.) *Philosophy of War* (pp. 99–99). Moscow: Ankil-voin; Rossiyskiy voeennyi sbornik (in Russian).

Kersnovsky A.A. (1999) On the Nature of War. In: Domnin I.V. (Comp.) *Military Thought in Exile: Works of the Russian Military Emigration* (pp. 16–29). Moscow: Voennyi universitet; Russkiy put' (in Russian).

Snesarev A.E. (2013) *Philosophy of War*. Moscow: Lomonosov (in Russian).

Solovyov V.S. (1998) Justification of the Good. Ethical Philosophy. In: Solovyov V.S. *Works in 2 Vols.* (Vol 1, pp. 47–580). Moscow: Mysl' (in Russian).

Sombart W. (2005) *Heroes and Merchants: Patriotic Rumifications*. In: Sombart W. *Collected Works in 3 Vols.* (Vol. 2, pp. 7–102). Saint Petersburg: Vladimir Dal' (Russian translation).

Steinmetz R. (1915) *Philosophy of War*. Petrograd: Obrazovaniye (in Russian).

Stepun F.A. (1999) *Desired Russia*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Press (in Russian).

Trubetskoy E.N. (1994) *Meaning of Life*. Moscow: Respublika (in Russian).